

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛАТВИЙСКИХ ПАРТИЙ: ФАКТОР СОСЕДСТВА

Л. С. Жирнова

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию: 22.06.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-9
© Жирнова Л. С., 2022

Анализируется фактор соседства в электоральном поведении латвийцев на последних четырех парламентских выборах с учетом этнонациональной ориентации партий. Актуальность исследования состоит в расширении инструментария электоральной географии за счет современных методов пространственного анализа, а также в углублении знаний о положении русскоязычных в партийно-политическом ландшафте Латвии. Цель исследования — оценить роль фактора соседства на латвийских выборах и выявить устойчивые пространственные кластеры в голосовании. Для каждой из парламентских партий, а также для партии «Русский союз Латвии», не представленной в парламенте, но сохраняющей значимость в политической системе в целом, проанализирована степень пространственной автокорреляции и ее динамика. Кроме того, выявлены статистически значимые пространственные кластеры высокой и низкой поддержки, проведено их сравнение и проанализирована их устойчивость на протяжении рассматриваемого периода. Структура этих кластеров у «русских» партий («Согласие» и «Русский союз Латвии») в целом совпадает, а у «латышских» наблюдается большее разнообразие. В регионах, граничащих с Россией, анализ выявляет четкие пространственные кластеры по результатам голосования в полном соответствии с отношением партий к русскоязычным и Российской Федерации в целом. «Русские» партии, а также партии, проявляющие некоторое расположение к русскоязычным («За лучшую Латвию», «От сердца — Латвии»), имеют здесь кластеры высокой поддержки, а «латышские» — низкой. Однако эту закономерность, вероятнее всего, нужно связать не столько с близостью к российской границе, сколько с высокой долей нелатышского населения в Латгалии, которая, в свою очередь, также имеет тесные исторические связи с Россией и особенности развития как приграничный регион.

Ключевые слова:

пространственный анализ, электоральная география, Латвия, Латгалия, русские, партии, этнолингвистический раскол, выборы

Хотя этнолингвистический раскол в Латвии в его электоральном преломлении не раз становился предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых, современные методы пространственного анализа позволяют взглянуть на него по-новому за счет обработки большого массива данных и представления результатов в наглядной картографической форме.

Актуальность исследования состоит, с одной стороны, в расширении инструментария электоральной географии, а с другой — в особом значении для российской внешней политики изучения партийно-политического ландшафта зарубежных стран с большой долей русскоязычного населения с учетом приоритетного характера поддержки соотечественников за рубежом.

Для цитирования: Жирнова Л. С. Региональные тенденции электоральной поддержки латвийских партий: фактор соседства // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 138–158. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-9.

В данной работе методы пространственного анализа, пока еще не столь распространенные в российской политической науке, применяются для анализа фактора соседства в голосовании за латвийские партии на последних четырех парламентских выборах.

Цель исследования — выделить пространственную структуру этнолингвистического раскола на латвийских выборах. Для этого необходимо оценить значимость фактора соседства в голосовании за латвийские партии, выявить кластеры соседства для каждой партии и проанализировать их устойчивость, а также определить, насколько в этих кластерах проявляется этнолингвистический раскол голосования.

Разумной гипотезой представляется предположение, что партии, которые принято считать «русскими», — «Согласие» и «Русский союз Латвии» — обнаружат устойчивые кластеры соседства с высокими значениями в Латгалии и кластеры низких значений в других областях Латвии. Однако интересно посмотреть, имели ли какой-то успех попытки некоторых условно «латышских» партий преодолеть этнолингвистические линии разлома партийно-политического пространства и, соответственно, найти поддержку в тех региональных кластерах, которые зачастую голосуют за «русские» политические силы.

Методы исследования

Для анализа электоральных результатов использованы методы пространственного статистического анализа, которые позволяют более подробно вычленять и картографировать пространственную структуру общественно-политических процессов [1, с. 9], а в данном случае более тщательно анализировать пространственные аспекты этнолингвистического раскола в латвийской политике. Еще в 1970-е годы П. Тейлор и Р. Джонстон анализировали эффект соседства в электоральном поведении, отмечая, что он может иметь решающее значение для исхода голосования [2, р. 265]. Современное развитие геоинформационных систем дает возможность протестировать эти предположения на обширных массивах данных.

Для каждой партии был рассчитан индекс пространственной автокорреляции Морана I, демонстрирующий, насколько результаты в регионе коррелируют со средними результатами в соседних регионах. Также был применен метод расчета локальных индикаторов пространственной автокорреляции LISA, показывающий статистически значимые кластеры, в которых высокий результат партии в регионе коррелирует с высоким результатом в соседних регионах, и наоборот. Также картограммы LISA выявляют регионы-«ошибки», где по логике соседства результат должен быть одним, а по факту оказывается другим. Такие случаи тоже представляют интерес с точки зрения анализа [3, с. 161 — 163, 166 — 168].

Поскольку распределение по пяти избирательным округам (Рига, Видземе, Земгале, Курземе и Латгалия) для пространственного анализа представляется недостаточно дробным, выбран муниципальный уровень со 119 самоуправлениями. Электоральная статистика была соединена с картографической основой для дальнейшего анализа в геоинформационных системах QGIS и GeoDa. В открытом доступе подходящей картографической основы с делением на 119 муниципалитетом найти не удалось, поэтому ее пришлось подготовить самостоятельно.

Последствия этнолингвистического раскола

На протяжении вот уже трех десятилетий с момента восстановления независимости основным свойством общественной структуры и партийно-политического ландшафта Латвии остается острый этнолингвистический раскол между латыш-

ским большинством и русскоязычным меньшинством¹. Хотя русскоязычные составляют более трети населения страны, партии, их представляющие, не допускаются до формирования правительства, даже если получают на выборах больше всех остальных политических сил.

Стоит отметить, что не все русскоязычные допущены к политическому участию, поскольку многие из них остаются негражданами — это особый статус постоянных жителей, не имеющих доступа к целому ряду прав, включая базовое политическое право избирать и быть избранными. В начале 1990-х новая правящая элита независимой Латвии решила восстановить действие Конституции 1922 года и автоматически дать гражданство только тем, кто был гражданином первой Латвийской Республики до 17 июня 1940 года, и их потомкам. Остальные — треть постоянных жителей страны — оказались негражданами. Изначально статус задумывался как временный, но спустя почти тридцать лет каждый десятый латвиец остается негражданином².

В итоге русскоязычные составляют около 36 %³ населения страны, но лишь около 27 %⁴ граждан Латвии, что искусственно ограничивает электорат партий, опирающихся на это этнолингвистическое меньшинство. В то же время, хотя сами неграждане не имеют права ни баллотироваться в выборные органы, ни голосовать ни на одном из уровней (в отличие от неграждан Эстонии, которые могут голосовать на местных выборах), проблематика негражданства остается важной линией размежевания для латвийской политики.

Однако еще более существенное влияние на партийно-политическую структуру имеют «красные линии» латышской элиты, которая (по крайней мере на общенациональном уровне) не допускает сотрудничества с «русскими» партиями. Из-за этого после каждых парламентских выборов волеизъявление четверти избирателей, благодаря которым партия «Согласие» раз за разом получает большинство голосов, фактически игнорируется. Ситуация усугубляется тем, что в последние двадцать лет в латвийском парламенте закрепился такой порядок управления, при котором правящее большинство не дает оппозиции возможности значительно повлиять на законотворческий процесс и политику [4, p. 120].

Такое положение дел имеет целый ряд негативных последствий. Во-первых, маргинализированный статус мешает консолидации русскоязычных политических сил. (Впрочем, здесь свою роль играют и амбиции их лидеров.) Как отмечал Я. Икстенс [5, p. 51], усугубляет ситуацию тот факт, что перспектив попасть в правительство у этих партий не появится, пока ценностный разрыв между латышами и русскоязычными не исчезнет, и спустя пятнадцать лет каких-то значимых подвижек в этом плане не наблюдается.

¹ Хотя речь идет о противопоставлении двух этнолингвистических сообществ: русскоязычного и латышскоязычного, использование последнего термина применительно к Латвии представляется избыточным, поскольку латышскоговорящее сообщество составляют практически одни латыши, тогда как среди русскоязычных наблюдается большее этническое разнообразие.

² Iedzīvotāju skaits un ipatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā, 2021, *Centrālā statistikas pārvalde*, available at: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/tabulas/ire060-iedzivotaju-skaits-un-ipatsvars-pec> (accessed 30.09.2021).

³ 60,8% Latvijas iedzīvotāju dzimtā valoda ir latviešu, 2021, *Centrālā statistikas pārvalde*, available at: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/meklet-tema/2747-608-latvijas-iedzivotaju-dzimta-valoda-ir-latviesu> (accessed 30.09.2021).

⁴ Последние данные на этот счет относятся к переписи 2011 года, однако можно допустить, что они мало изменились, поскольку темпы натурализации остаются крайне низкими. Tautas skaitīšana. Galvenie rādītāji, 2021, *Centrālā statistikas pārvalde*, available at: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/tautas-skaitisana/galvenie-raditaji/latvi-ja-2011-gada-1-marta-dzivoja-2-070> (accessed 30.09.2021).

Во-вторых, отсечение столь значительной части электорального поля расширяет положение партий латышского мейнстрима, которые вынуждены идти на серьезные компромиссы и формировать неустойчивые коалиции [6, с. 87]. Всего за тридцать лет независимости в Латвии прошло девять парламентских выборов, но сменилось уже два десятка правительств, и какой-то тенденции к стабилизации не наблюдается. После последних парламентских выборов в правящую коалицию вошли пять разнородных партий, объединенных в первую очередь желанием не допустить в правительство неугодных победителей выборов — партию «Согласие», опирающуюся на русскоязычный электорат. Неудивительно, что за два с половиной года в правительстве сменилась половина министров, а из коалиции исключили одну из партий — наиболее ослабленную внутренними распрями. Потенциал эффективной работы такого правительства серьезно ограничен, а ведь именно четкие и последовательные действия необходимы стране в борьбе с пандемией.

В-третьих, столь упорное игнорирование мнения около четверти избирателей, когда победитель выборов раз за разом не попадает в правительство, в сочетании с объединением в рамках одного правительства идеологических противников, неспособных в таких условиях выполнять свою предвыборную программу, постепенно подрывает доверие общества к политической системе. Как отмечает В. В. Воронников [7, с. 85], недовольство правящими политиками стимулирует апатичность, которая проявляется в последовательном снижении явки на выборах: от 91,2 % в 1993 году до 63,12 % в 2010 году и 54,6 % в 2018-м (рис. 1).

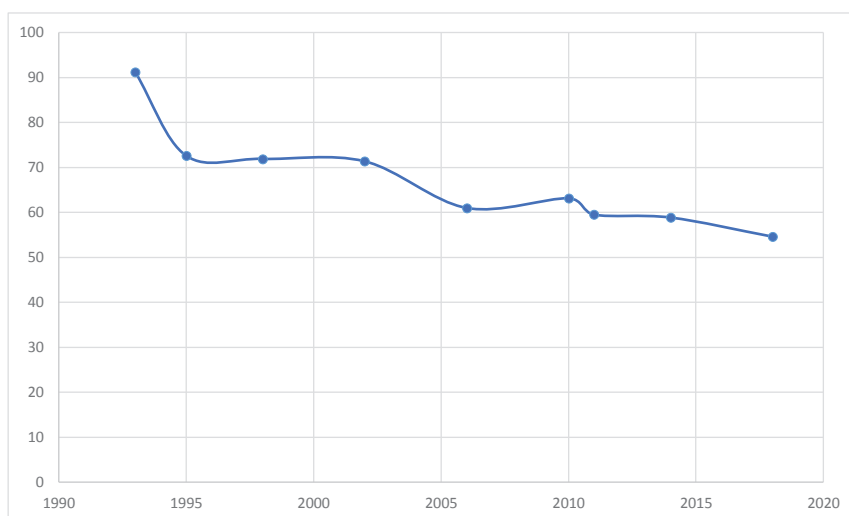

Рис. 1. Явка на парламентских выборах в Латвии, %⁵

Недоверие к политической системе создает благодатную почву для появления новых партийных проектов, преимущественно популистского толка, стимулируя и без того большую фрагментацию политического поля. Впрочем, как отмечает Д. Ауэрс [8], здесь свою роль играют также низкие барьеры численности партий и сравнительно более позднее внедрение их государственного финансирования по сравнению, к примеру, с соседней Эстонией, где степень институционализации партийной системы значительно выше, а пространства для популистских проектов меньше.

⁵ Saeimas vēlēšanas, 2021, *Centrālā vēlēšanu komisija*, available at: <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas> (accessed 30.09.2021).

По классификации Дж. Сартори [9, р. 111 — 112], латвийскую партийную систему можно охарактеризовать как систему умеренного плюрализма, но тенденция к ее фрагментации нарастает. Достаточно сказать, что сейчас в парламент входят семь партий, из которых четыре формируют правительство, причем 2021 год привнес в партийно-политический ландшафт еще несколько партийных проектов, которые сделали серьезную заявку на места в следующем созыве Сейма.

На высокую фрагментацию партийной системы указывают и значения индексов эффективного числа парламентских партий, рассчитанные по методикам Лааксо — Таагеперы (8,4) и Голосова (5,8) (на основе результатов выборов 2018 года) [10, р. 188]. Индекс Голосова ниже, поскольку при его расчете меньший вес придается тем партиям, которые значительно уступают победителю выборов, что особенно актуально для Латвии, где отрыв лидеров — «Согласия» — достаточно большой.

Изученность проблемы

Электоральные исследования — одни из наиболее популярных в политической науке во многом благодаря большой практической значимости их результатов, которые позволяют не только объяснить поведение избирателей, но и спрогнозировать результаты выборов в будущем [11, с. 187]. В поле зрения исследователей попадали и пространственные факторы электорального поведения. Еще в начале XX века один из основоположников политической географии А. Зигфрид [12] изучал влияние географических переменных на исход голосования наряду с экономическими и социокультурными. Ключевое значение для электоральных исследований имеют идеи С. Липсета и С. Роккана [13] о влиянии социально-групповых конфликтов на политическую систему. Они выделяли три вида таких расколов: классовый, религиозный и раскол между центром и периферией.

В книге «География выборов» П. Тейлор и Р. Джонстон [2] представили теорию социальных расколов, отражающих социальную и территориальную структуру общества. Авторы отметили, что фактор соседства может иметь значимое воздействие на исход выборов, но не смогли с помощью доступных на тот момент инструментов точно измерить этот эффект. Как писали впоследствии Р. Джонстон и Ч. Патти, было бы преувеличением сказать, что локальный контекст определяет исход голосования, но учет этого фактора может принести партиям значительные выгоды [14, р. 396].

Российские ученые также изучали пространственные закономерности электорального поведения. К примеру, Р.Ф. Туровский исследовал различия в уровне поддержки левых и правых партий в городских и сельских избирательных округах [15]. Возможности пространственного электорального анализа как метода политической географии анализировал А.С. Ахременко [16]. Также можно отметить проект А. Сидоренко «Электоральная география 2.0», который изучает воздействие пространства на голосование не только в России, но и в других странах [17].

Латвийские выборы и партийная система регулярно становятся предметом научного интереса латвийских и российских исследователей, причем именно этнолингвистический раскол оказывается в центре внимания. Новизна данной работы заключается в использовании методов пространственного анализа для изучения данной проблематики, что позволяет на основе достаточно обширных массивов данных выявить устойчивые пространственные закономерности в голосовании и расширить имеющиеся знания об электоральном поведении латвийцев в целом и латвийских русскоязычных в частности.

Я. Икстенс и И. Балцере [18, р. 258] отмечают, что в латвийском общественно-политическом дискурсе традиционное деление партий на левые и правые зачастую лишено того смысла, который оно имеет в западных странах, и определяется

в первую очередь по той же принадлежности к условно «русским» и «латышским» партиям: «русские» партии характеризуются как левые и левоцентристские, а «латышские» — как правые или правоцентристские.

Ту же особенность фиксирует и В. Воротников [7, с. 85], который пишет, что партии левоцентристского толка, которые на протяжении всех десятилетий независимости находились в оппозиции, ассоциируются в Латвии не столько с альтернативной социально-экономической программой, сколько с «пророссийскостью».

Стоит отметить, что не только этнолингвистический раскол в обществе предопределяет размежевание партий. Партийные элиты также охотно мобилизуют этнические лозунги в политической борьбе. Как показало исследование Б. Зепы и И. Шупуле [19, р. 36], активное использование подобной риторики политиками остается одним из основных катализаторов этнического напряжения в обществе. За прошедшие десятилетия в этом плане мало что поменялось.

Более того, как показало исследование Р. Накаи [20, р. 214], именно в преддверии выборов наблюдается рост национализма как среди представителей этнических меньшинств, так и у латышского большинства, то есть этнический раскол только обостряется. Как отмечает Р. Накаи в другой статье, написанной в соавторстве с М. Хигашиимой [21], по мере развития партийно-политической системы партии этнического характера все больше стимулируют этническую идентификацию и у представителей своего электората, и у других групп, которые ощущают от них угрозу. В связи с этим авторы считают, что необходимо законодательно ограничивать возможности партий апеллировать к конкретным этническим интересам, иначе межнациональный антагонизм будет только нарастать и может привести к ожесточенным конфликтам.

Л. Бенникс-Бьоркман и К. М. Йоханссон [22] также объясняют сохранение интенсивного этнического противостояния в политической системе внутренней логикой межпартийного взаимодействия, отмечая, что вне политики латыши и нелатыши сосуществуют намного более мирно и имеют много горизонтальных связей. Противоположный пример — Эстония, где этнолингвистические общины живут более обособленно, но в политике этнические мотивы имеют все меньшее значение.

Интересно наблюдение С. Блума [23, р. 175—176], который доказывает провальный характер попыток латышских националистов возложить вину за экономический кризис на русскоязычных — после кризиса 2008—2009 годов большую поддержку избирателей обеспечили те партии, которые делали упор на экономические проблемы без этнической окраски.

Ю. Розенвалдс в начале 2010-х годов [24, с. 160] фиксировал тенденцию к «дегерметизации» правящей элиты в Латвии и видел перспективы большего допуска представителей национальных меньшинств к управлению государством, особенно на фоне некоторого дистанцирования партий, опирающихся на национальные меньшинства, от Москвы. Однако, как признает И. Иябс [25, р. 308—309], после референдума о статусе русского языка 2012 года стало понятно, что эти предположения не подтверждаются — этнолингвистический раскол стал еще более явственным, а в преамбуле к латвийской Конституции был закреплен примат латышского языка и культуры. На фоне обострения геополитического противостояния между Россией и Западом в последних электоральных циклах латышские политические силы вновь и вновь доказывали существенность красных линий в вопросе допуска того же «Согласия» в правительство, так что о подобной «дегерметизации» в обозримой перспективе говорить не приходится.

Как подчеркивает М. Коммерсио [26], русскоязычные, которые хотят встроиться в правящую политическую элиту Латвии, вынуждены делать это на условиях латышского истеблишмента — они должны не просто быть гражданами, но и хорошо

освоить латышский язык, а также глубоко интегрироваться в латышское общество. Для многих представителей нацменьшинств намного более простой и понятный путь — это эмиграция, они, как доказывает А. Ивлев [27], намного более склонны уезжать из страны, чем латыши, в первую очередь в расчете на лучшие условия на рынке труда.

При этом ожидать, что какие-то международные институты окажут давление на Латвию с целью расширения прав русскоязычных, не приходится, учитывая более ранний опыт. К примеру, как фиксируют Ф. Дуина и К. Миани [28], Латвии удалось стать членом Евросоюза, несмотря на неполное выполнение требований общеевропейского законодательства по защите прав нацменьшинств, и в дальнейшем Брюссель не демонстрировал достаточного желания оказать давление на латвийские власти, чтобы они выполнили эти обязательства.

С учетом последовательного недопущения «русских» политических сил к власти и сохранения института неграждан, ряд исследователей и, в особенности, русскоязычных правозащитников считает, что в случае Латвии, как и Эстонии, можно говорить об этнократии [29]. Однако более оправданным представляется мнение, что здесь скорее речь идет о запоздавшем построении национального государства в тот момент, когда эта концепция уходит в прошлое [30, с. 194]. С этой точкой зрения согласен и П. В. Осолков, который пишет о том, что Эстонии удалось продвинуться по пути преодоления этнолингвистического раскола [31, с. 13], в отличие от Латвии, где национальные противоречия остаются основным ориентиром в политике.

А. Солопенко [32, с. 30] отмечает еще одну особенность партийно-политического ландшафта: этнолингвистический фактор голосования в Латвии накладывается на территориальный, поскольку русскоязычные расселены по стране неравномерно и концентрируются в основном в крупных городах, тогда как латыши живут и в городах, и в сельской местности (рис. 2). Исключение здесь составляют латгальские сельские регионы у границы с Россией и Беларусью, где доля нелатышского населения также традиционно велика.

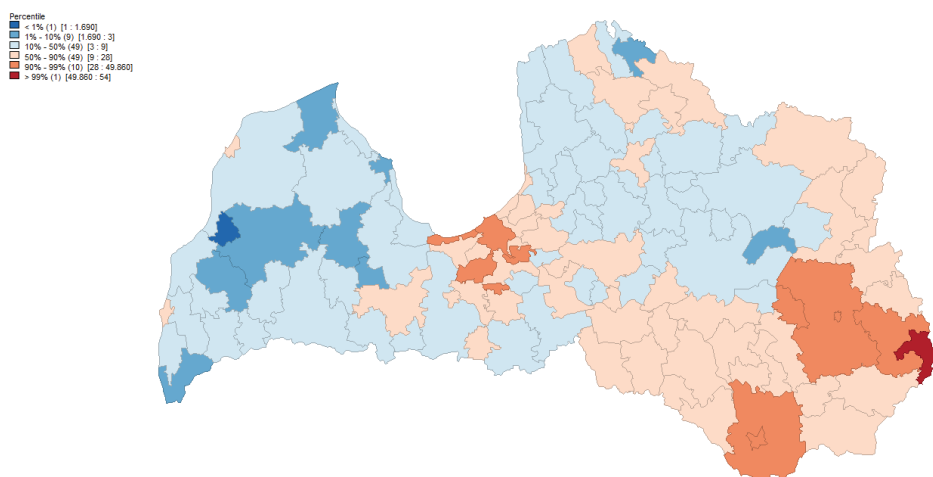

Рис. 2. Перцентильная карта расселения русских в Латвии, 2020 год⁶

⁶ Iedzīvotāju skaits un ipatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā, 2021, *Centrālā statistikas pārvalde*, available at: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/tabulas/ire060-iedzivotaju-skaits-un-ipatsvars-pec> (accessed 30.09.2021).

При этом, как фиксируют А. Немет и З. Довеный [33, р. 798], Национальное объединение, продвигающее идею «латышской Латвии», более популярно не столько в этнически гомогенных самоуправлениях с преобладанием латышского населения, сколько в этнически гетерогенных городах с большой долей нелатышских жителей — здесь местные латыши склонны поддерживать этнонационалистический проект «Национального объединения», а не более умеренные партии. При этом в сельской местности такой жесткой поляризации и стремления латышей поддержать идею «латышской Латвии» уже не наблюдается.

А. Мелешевич [34, р. 119] проанализировал электоральную географию в Латвии, Литве, Эстонии, России и на Украине и выделил регионы, которые показывают устойчивую тенденцию к голосованию, отличному от общестранового. В Латвии таким регионом является Латгалия, регион у границы с Россией и Беларусью, в котором большинство населения дома говорят по-русски. Закономерно, что именно здесь силы, выступающие в защиту прав русскоязычных, набирали больше всего голосов.

При этом Я. Пайдерсу и Ю. Пайдерсу [35] не удалось установить значимого эффекта близости российской и белорусской границы при голосовании в Латгалии на парламентских выборах 2010 года: вторым по значимости фактором электорального поведения после этнолингвистического они называют личностный — отдельных ярких кандидатов в округах. При этом, согласно другому их исследованию [36], в сельских районах этнолингвистический состав электората больше влияет на результаты голосования, чем в городах государственного значения.

Характеристика электоральных циклов

Если давать характеристику четырем последним электоральным циклам, следует отметить тенденцию к росту числа партий, которые проходят в парламент. После выборов 2010 и 2011 годов представительство в Сейме получали 5 партий, по результатам голосования в 2014 году — 6 партий, в 2018 году — уже 7. Выросло и число подаваемых списков: по 13 в 2010, 2011 и 2014 годах, а в 2018-м — уже 16.

Выборам 10-го Сейма, состоявшимся в 2010 году, предшествовала консолидация на правоконсервативном фланге, вызванная растущей популярностью «Центра согласия», опирающегося на русскоязычный электорат. На базе трех политических сил — «Новое время», «Гражданский союз» и «Общество за другую политику» — была создана партия «Единство». Консолидировались и латышские националисты — за три месяца до голосования партии «Всё для Латвии» и «Отечеству и Свободе/Движение за национальную независимость Латвии» образовали предвыборный союз «Национальное объединение ВЛ-ТБ/ДННЛ». Также на объединение пошла «Латвийская первая партия/Латвийский путь» (ЛПП/ЛП), которая слилась с ветераном латвийской политики «Народной партией» и с несколькими региональными силами.

Предвыборная кампания проходила на фоне экономического кризиса и обсуждения связанной с ним «революции бульжников» — массовых беспорядков 2009 года. На выборах победило «Единство» (31,22 % голосов), которое стало главной партией власти в Латвии на много лет и является ей и сейчас.

Однако после 2010 года этой партии уже не удавалось набрать больше всего голосов — на последующих выборах она уступила первенство «Согласию», которое в правительство так ни разу и не попало.

Десятому Сейму не удалось проработать даже года. На фоне экономических проблем и недовольства населения президент Валдис Затлерс неоднократно поднимал вопрос о роспуске Сейма еще в 2009 году, а когда в 2011 году недавно избран-

ный созыв парламента отклонил запрос прокуратуры на обыск у депутата Айнарса Шлесерса, президент заявил о том, что Сейм потерял доверие народа, и инициировал референдум о роспуске парламента, который оказался успешным — 94,5 % проголосовавших высказались «за».

Новая предвыборная кампания прошла под лозунгом «борьбы с олигархами», в том числе и со Шлесерсом, и в итоге его партия, стартовавшая под брендом «Партия реформ Шлесерса ЛПП/ЛЦ», не преодолела пятипроцентный барьер. Победил «Центр согласия» (28,37 %), на втором месте на фоне роста популярности президента, распустившего парламент, оказалась «Партия реформ Затлерса» (20,82 %). Премьерская партия «Единство» столкнулась с резким снижением поддержки и довольствовалась третьим местом (18,83 %), что, впрочем, не помешало ей вновь получить пост премьера и сформировать правительство без победителя выборов.

Так как 11-й Сейм был внеочередным, он проработал три года вместо четырех. За это время депутаты успели разрешить двойное гражданство, а также дополнили Конституцию (Сатверсме) преамбулой, где закрепили цель латвийского государства — гарантировать существование и развитие латышской нации, ее языка и культуры. Внесению преамбулы в основной закон предшествовал провал референдума о придании русскому языку статуса второго государственного, после которого латышская правящая элита практически полностью перестала считаться с русскоязычным меньшинством. Именно на преамбулу Сатверсме ссылается теперь Конституционный суд при рассмотрении исков русскоязычных активистов, когда признает конституционным вытеснение русского языка со всех уровней образования в Латвии.

Период работы 11-го Сейма омрачила страшная трагедия — обрушение торгового центра *Maxima* 21 ноября 2013 года в рижском микрорайоне Золитуде, унесшее жизни 54 человек. Премьер-министр Валдис Домбровскис («Единство»), возглавлявший правительство с марта 2009 года, взял на себя политическую ответственность за случившееся и покинул свой пост. Его заменила представительница его же партии Лаймдота Страуяума, которая продолжила возглавлять правительство и после выборов 2014 года.

На выборах в 12-й Сейм 4 октября 2014 года победила партия «Согласие», правда, получила она немного меньше, чем в 2011 году, — 23 %. «Единство», оказавшееся на втором месте, отстало незначительно, получив 21,87 %, и без особых проблем сформировало правительство с «Союзом зеленых и крестьян» и «Национальным объединением». Правда, в 2016 году в результате внутренних интриг «Единство» уступило премьерский пост «Союзу зеленых и крестьян».

Работа 12-го Сейма запомнилась образовательной реформой 2018 года, положившей конец билингвальному образованию в школах и русскоязычным программам в вузах, в том числе в частных. Более того, правила кабинета сделали латышский основным языком общения в дошкольных учреждениях вне зависимости от пожеланий родителей.

На выборах в 13-й Сейм 6 октября 2018 года вновь победила партия «Согласие», правда, набрала она еще меньше, чем в прошлый раз, — 19,8 %. На втором месте оказались новички и триумфаторы этих выборов — партия актера Артусса Кайминьша «KPV LV» (от *Kam pieder valsts?* — «Кому принадлежит государство?»). Сейм оказался очень раздробленным, в него прошли сразу семь партий, а с учетом нежелания допускать в правительство «Согласие» задача по созданию правительства оказалась особенно сложной — в итоге на это ушли рекордные 109 дней. После нескольких неудачных попыток претендентов от других партий правящую коалицию возглавил теперь уже бывший евродепутат Кришьянис Кариньш, представлявший то же самое «Единство» (которое на этих выборах стартовало с припи-

ской «Новое», объединившись с несколькими региональными партнерами). И это при том, что «Новое Единство» получило всего 6,69 % — меньше всех среди партий, прошедших в парламент. В правительство вошли пять партий, которые нещадно конкурировали между собой в преддверии выборов, а это не добавило коалиции стабильности.

В итоге после многочисленных распрей и скандалов в начале июня 2021 года, в самый канун муниципальных выборов из правительства исключили партию «KPV LV», которая к этому времени потеряла большую часть депутатов и популярности и стала самым слабым звеном коалиции. Бывшие партнеры договорились ее исключить и в нарушение коалиционного договора перераспределили ее министерские посты.

Для русскоязычных ключевое решение 13-го Сейма — это принятие закона об автоматическом предоставлении гражданства Латвии детям неграждан, который остановил воспроизводство этой категории населения с 1 января 2020 года. Но основной мотив работы этого созыва парламента — борьба с пандемией нового коронавируса. В первую волну пандемия задела Латвию по касательной, но к зиме 2020 года страна полностью ощутила на себе натиск вируса и вновь оказалась в тисках жестких ограничений. Ситуация стала улучшаться только к лету 2021 года. Действия правительства в этот период нельзя оценить как эффективные, учитывая скандал с отказом от более 700 000 доз вакцины Pfizer в декабре 2020 года, вызвавшим недостаток вакцины, а также противоречивость многих ограничений. Низкий уровень доверия к властям подорвал и доверие к кампании вакцинации от COVID-19.

Фактор соседства в результатах партий

Рассмотрим пространственные зависимости в голосовании за латвийские партии в последние четыре электоральных цикла. Расчеты сделаны исходя из соседства по смежности по принципу k — ближайших соседей с числом соседей — 5. Так как деление на пять избирательных округов для пространственного анализа слишком крупное, представлены результаты по 119 самоуправлениям.

Начнем с «русских» партий: «Согласия» и «Русского союза Латвии».

Партия «Согласие» (ранее — «Центр согласия») образовалась в апреле 2010 года на базе трех политических сил: «Социал-демократической партии Эгилса Рутковскиса», «Нового центра» Сергея Долгополова, а также «Партии народного согласия», чей лидер Янис Урбанович единственный входил во все созывы Сейма с 1995 года. Хотя руководство партии заявляло о том, что ориентируется и на русских, и на латышей, ее поддерживают в первую очередь русскоязычные избиратели, причем в последнее десятилетие именно эта партия аккумулировала основную часть русских голосов [26, р. 22]. Изначальная популярность партии была связана с целым рядом факторов, начиная от личной популярности ее лидера Нила Ушакова и заканчивая успешной рекламой партии через Первый Балтийский канал (и антирекламой против ее конкурентов), но не последнюю роль здесь сыграли надежды русскоязычных на то, что эта партия сможет войти во власть. В Риге эти надежды оправдались, но на общенациональном уровне партия осталась «вечной оппозицией».

С 2011 года партия неизменно набирала больше всего голосов на парламентских выборах, но ее результаты постепенно снижались, что связано с нежеланием части избирателей голосовать за «вечную оппозицию», а также с разочарованием неактивной защитой прав русскоязычных и некоторыми антироссийскими заявлениями руководства. При этом в латышском информационном пространстве «Согласие» имеет устойчивую репутацию «руки Кремля», так что любое сотрудничество

с ней латышских партий мейнстрима на общенациональном уровне практически невозможно. (Примечательно, что на региональном, где хозяйственные вопросы перевешивают геополитические, сотрудничество иногда встречалось: к примеру, в 2013 году представители «Центра согласия» вошли в правящую коалицию Адажской думы вместе с депутатами от «Союз зеленых и крестьян», «Единства» и даже «Национального объединения»⁷.)

На протяжении десяти лет «Согласие» удерживало власть в Риге, фактически ставя руководство столицы, где только по официальным данным проживает почти треть населения страны, в оппозицию центральному правительству. Однако после смещения Нила Ушакова с поста столичного мэра и его отъезда на работу в Европарламент партия пребывает в серьезном кризисе, который только усугубил провал на внеочередных выборах в Риге.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную зависимость результатов голосования за «Согласие» на парламентских выборах (индекс Морана в 2010 году — 0,579, в 2011-м — 0,6, в 2014-м — 0,586, в 2018-м — 0,584).

Картограммы пространственной автокорреляции фиксируют два кластера соседства, которые проявляются во всех четырех рассматриваемых циклах (рис. 3). Во-первых, это кластер высоких значений в Латгалии, регионе с высокой долей русскоязычного населения. Во-вторых, кластер низких значений в Курземе, регионе, где русских мало (обратите внимание, что монолитность этого кластера нарушают Лиепая и Вентспилс — крупные города, где тоже есть заметная доля русскоязычных).

Еще три кластера проявляются только в части электоральных циклов. Это два кластера низких значений в Видземе, где так же мало русских, и один кластер высоких значений вокруг столицы.

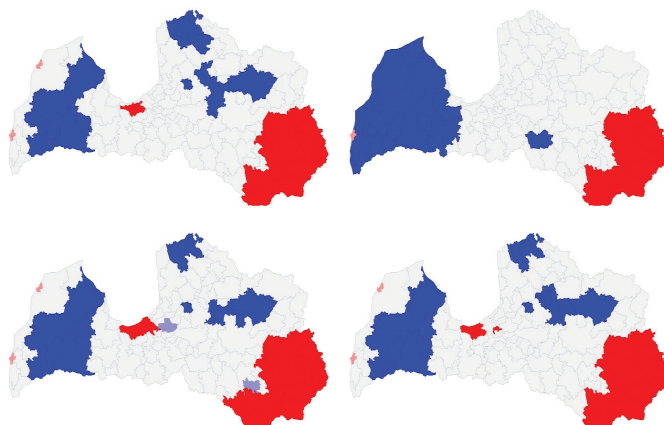

Рис. 3. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за партию «Согласие» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах (слева направо, сверху вниз)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

Вторая «русская» партия, «Русский союз Латвии» (РСЛ), за четыре последних электоральных цикла ни разу не получила представительства в парламенте,

⁷ Ruska, R. 2013, Kam pieder atslēgas, *News.lv*, available at: https://news.lv/Latvijas_Avize/2013/08/09/Kam-pieder-atslegas (accessed 30.09.2021).

но остается заметным игроком латвийской политики. РСЛ (до переименования в 2014 году — ЗаПЧЕЛ — «За права человека в единой Латвии») — одна из старейших латвийских партий. Она проводила депутатов в Сейм все созывы с 1993 по 2010 год, но потом лишилась парламентского представительства, а с 2009 до 2020 года не имела своих депутатов в Рижской думе. При этом лидер РСЛ Татьяна Жданок четыре раза успешно избиралась в Европарламент, обеспечивая партии международное сотрудничество и высокое представительство. На парламентских выборах 2018 года РСЛ хотя и улучшил результат за счет разочарования избирателей в «Согласии», но в итоге получил только 3,2 % голосов и провести своих депутатов в Сейм не смог. В последнее время партия переживает некоторый подъем, воодушевленная успехом на внеочередных выборах в Риге (6,52 % голосов и 4 депутата) и ростом популярности благодаря четкой и последовательной позиции по защите интересов русскоязычных.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную корреляцию результатов голосования за РСЛ на последних четырех парламентских выборах с тенденцией к снижению ее степени (индекс Морана в 2010 году — 0,446, в 2011-м — 0,406, в 2014-м — 0,395, в 2018-м — 0,362).

В целом кластеры соседства по результатам голосования за РСЛ похожи на те, которые наблюдаются у «Согласия», и соответствуют параметрам расселения русскоязычных (рис. 4). Точно так же на протяжении всего рассматриваемого периода проявляется латгальский кластер высоких значений и курземский кластер низких (с периодическими исключениями в виде Вентспилса и Лиепай). Однако, в отличие от «Согласия», кластер низких значений в Видземе также фиксируется во все четыре электоральных цикла. В двух случаях в Видземе выделяются два таких кластера. А вот кластер, включающий Юрмалу и ряд земгальских самоуправлений, проявился только на картограмме 2011 года.

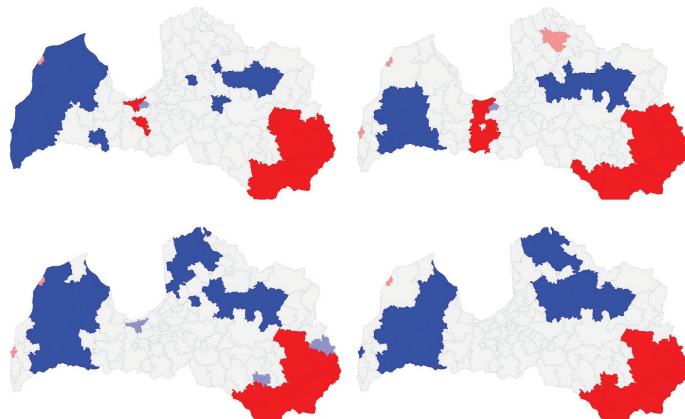

Рис. 4. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за «Русский союз Латвии» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах (слева направо, сверху вниз)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

Рассмотрим «латышские» партии, которые участвовали во всех рассматриваемых парламентских выборах.

Как уже упоминалось, «Единство» (с 2018 года выступающее на политической арене под брендом «Новое Единство» вместе с еще пятью региональными партне-

рами) с момента создания и по сей день является премьерской партией и только на период с 2016 по 2018 год отдало руководство правительством «Союзу зеленых и крестьян» в результате внутренних интриг. Хотя летом 2018 года за несколько месяцев до выборов рейтинг партии составлял около 3 %, ей удалось консолидироваться, найти партнеров и все же пройти в 13-й Сейм, пусть даже с самой маленькой фракцией. Правда, именно «Новое Единство» в итоге сформировало правительство, пусть и изначально ослабленное пестрой коалицией и небольшим размером премьерской фракции.

Несмотря на все сложности, связанные с пандемией и внутренними противоречиями, которые даже вылились в исключение одного из коалиционных партнеров, перспективы падения нынешнего правительства Кришьяниса Кариньша остаются весьма туманными, потому что ни одна из составляющих коалицию политических сил не хочет брать на себя ответственность за развал кабинета. Более того, судя по победе на выборах в Европарламент в 2019 году (26,24 %) и успешному выступлению на внеочередных выборах в Рижскую думу в 2020 году (третье место и 15,24 %), пик внутреннего кризиса «Новое Единство» уже преодолело.

Хотя «Единство» в первую очередь имеет репутацию партии чиновничества, а бренд главных латышских националистов принадлежит «Национальному объединению», именно «Единство» на протяжении всего десятилетия у власти реализовывало политику ограничения прав нацменьшинств, и именно представители этой партии разрабатывали и реализовывали наиболее жесткие в этом плане реформы, в том числе реформу образования.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную корреляцию результатов голосования за «Единство» в 2010 и 2011 годах и слабую корреляцию в 2014 и 2018 годах (индекс Морана в 2010 году — 0,056, в 2011-м — 0,622, в 2014-м — 0,279, в 2018-м — 0,173).

На картограммах пространственной автокорреляции только один кластер выделяется на протяжении всего рассматриваемого периода — это кластер низкой поддержки в Латгалии, регионе с большой долей нелатышского населения (рис. 5). Правда, если в 2010 и особенно в 2011 году этот кластер охватывает большую часть Латгалии, к 2018 году в нем остаются только три самоуправления на северо-востоке. А вот пространственный кластер высокой поддержки в Видземе просматривается только три электоральных цикла — кроме последнего.

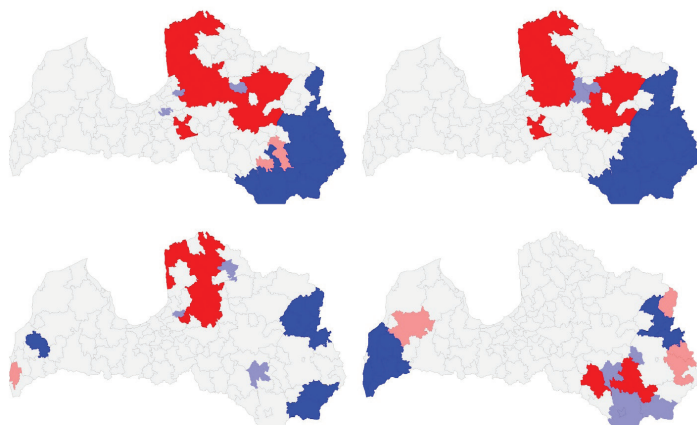

Рис. 5. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за «Единство» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах (слева направо, сверху вниз)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких

значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

Еще одна из ключевых сил на латвийской политической арене — это «Союз зеленых и крестьян» (СЗК), образованный в 2002 году «Латвийским крестьянским союзом» и «Зеленой партией». В том же году СЗК успешно выступил на парламентских выборах и с тех пор не просто имел депутатов в каждом созыве, но и входил в правящую коалицию, кроме двух — в цикле с 2011 по 2014 год и в нынешнем. Позиции партии на выборах 2011 года подточила кампания по «борьбе с олигархами», поскольку один из партнеров по сотрудничеству СЗК — партия «Латвии и Вентспилсу», возглавляемая Айварсом Лембергсом — одним из трех основных латвийских «олигархов». Однако после выборов 2014 года партия вернулась в правительство, а с 2016 по 2018 год даже возглавляла его. Правда, в 2018 году СЗК заметно растерял свои позиции, получив всего 9,91 % голосов вместо 19,5 % на предшествующих выборах, и остался в оппозиции. При этом «Союз зеленых и крестьян» сохранил серьезное влияние на муниципальном уровне, где в разных форматах контролирует около трети самоуправлений.

Партия опирается на сельский консервативный латышский электорат и, соответственно, скорее склонна к лозунгам защиты латышской нации. При этом в оппозиции она успешно сотрудничает с «Согласием».

Анализ фиксирует умеренную положительную пространственную зависимость (индекс Морана в 2010 году — 0,534, в 2011-м — 0,531, в 2014-м — 0,614, в 2018-м — 0,332).

Только один кластер проявляется во всех четырех электоральных циклах — это кластер низкой поддержки в Риге и Пририжье (рис. 6). Действительно, «рижское проклятье» довлеет над СЗК на протяжении всего существования, и пока партии нечем привлечь столичного избирателя. Кроме того, в первых трех циклах выделяются кластеры высокой поддержки в Курземе, включая Вентспилс, и кластер низкой поддержки в Латгалии.

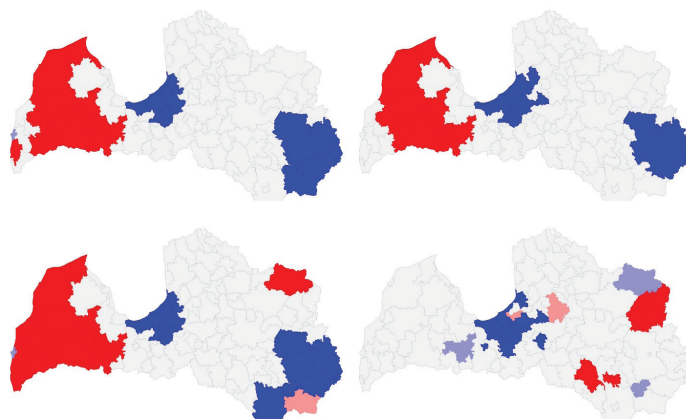

Рис. 6. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за «Союз зеленых и крестьян» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах (слева направо, сверху вниз)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

«Национальное объединение ВЛ-ТБ/ДННЛ» — главный оплот латышских националистов, чьи представители публично постулируют цель построения «латышской Латвии». Эта политическая сила стабильно входила в правительство в трех из четы-

рех рассматриваемых электоральных циклах, за исключением первого. На протяжении трех первых выборов в 2010, 2011 и 2014 годах она наращивала результаты на выборах в Сейм (до 16,6 % голосов в 2014 году) и только в 2018 году получила более низкий результат (11 %). Однако уже через год, на европарламентских выборах партия смогла доказать, что имеет стабильную поддержку, и отправила в Брюссель уже не одного, а двух депутатов. Хотя сейчас «Национальное объединение» не играет ведущей роли в правительстве, многие его предложения получают поддержку партнеров по коалиции и становятся законами.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную корреляцию в результатах голосования в 2010, 2011 и 2018 годах и высокую корреляцию в 2014 году (индекс Морана в 2010 году — 0,521, в 2011-м — 0,687, в 2014-м — 0,722, в 2018-м — 0,562). Примечательно, что пока «Национальное объединение» наращивало результаты, рос и эффект соседства, а вот в 2018 году он заметно снизился.

На картограммах все четыре цикла выделяется обширный кластер низких значений в Латгалии, для нелатышского населения которой неприемлемы лозунги националистов (рис. 7). Просматриваются и кластер высокой поддержки в Видземе, который, правда, дробится в 2014 году, и кластер высоких значений в Земгале, который дробится в 2018 году.

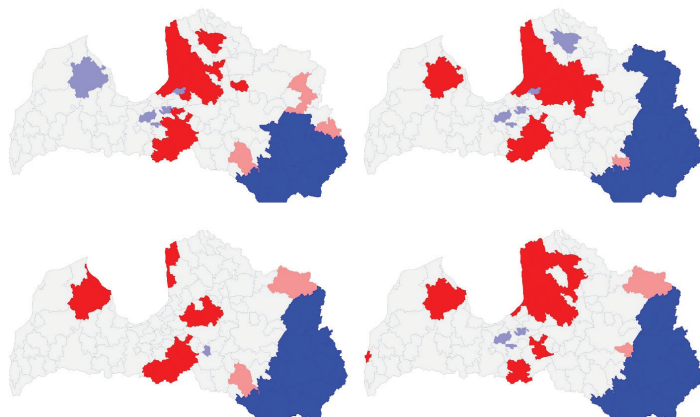

Рис. 7. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за «Национальное объединение» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах (слева направо, сверху вниз)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

Остальные партии в рассматриваемый период проходили в парламент только по одному разу: после выборов 2010 года это было объединение «За лучшую Латвию» (индекс Морана — 0,314); после выборов 2011 года — «Партия реформ Затлерса» (индекс Морана — 0,383); после выборов 2014 года — «От сердца — Латвии» (индекс Морана — 0,377) и «Латвийское объединение регионов» (индекс Морана — 0,141); после выборов 2018 года — «Для развития/За!» (индекс Морана — 0,610), «Новая консервативная партия» (индекс Морана — 0,405) и «KPV LV» (индекс Морана — 0,646). Соответственно, во всех случаях, кроме «Латвийского объединения регионов», пространственная зависимость умеренная и положительная.

Стоит отметить, что для пяти из семи этих «латышских» партий анализ картограмм пространственной автокорреляции выделяет кластер низких значений в Латгалии, и только у объединения «За лучшую Латвию» и партии «От сердца — Лат-

вии» в этом регионе со значительным, а местами преобладающим нелатышским населением фиксируется кластер поддержки (рис. 8). Это можно объяснить тем, что «Латвийская первая партия/Латвийский путь» — одна из составных частей «За лучшую Латвию» — еще раньше позиционировала себя как партия и для латышей, и для нелатышей, и, по-видимому, такой подход был, по крайней мере отчасти, успешным. А руководителя «От сердца — Латвии» Ингуну Судрабу латышские политики чуть ли не напрямую называли «рукой Кремля» и остро критиковали за нежелание жестко высказаться по национальному вопросу, что, по-видимому, также привлекло нелатышских избирателей.

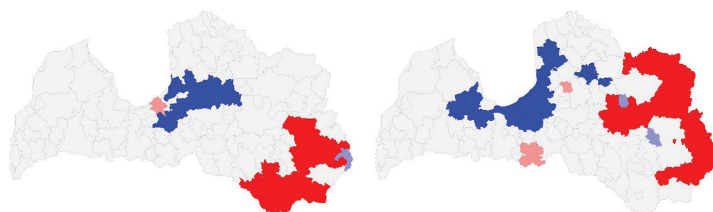

Рис. 8. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за объединение «За лучшую Латвию» в 2010 году и партию «От сердца — Латвии» в 2014 году (слева направо)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

Выводы и перспективы

Проведенный анализ позволил более четко выделить пространственную структуру этнолингвистического раскола в электоральном поведении латвийцев и определить устойчивые кластеры соседства в голосовании за те или иные партии. Структура этих кластеров у «русских» партий («Согласие» и «Русский союз Латвии») в целом совпадает, а у «латышских» партий наблюдается большее разнообразие.

Что касается регионов, граничащих с Россией, анализ выявляет четкие пространственные кластеры по результатам голосования в полном соответствии с отношением партий к русскоязычным и Российской Федерации в целом. «Русские» партии («Согласие» и «Русский союз Латвии»), а также партии, проявляющие некоторое расположение к русскоязычным («За лучшую Латвию», «От сердца — Латвии»), имеют здесь кластеры высокой поддержки, а «латышские» партии — низкой. Однако эту закономерность, вероятнее всего, нужно связать не столько с близостью к российской границе, сколько с высокой долей нелатышского населения в Латгалии, которая, в свою очередь, обусловлена тесными историческими связями с Россией и особенностями развития этого приграничного региона.

В перспективе интересным объектом для анализа является преломление обнаруженных пространственных тенденций в следующем электоральном цикле, однако повторить анализ по той же схеме, вероятно, будет сложно с учетом переформатирования муниципальных границ в рамках административно-территориальной реформы.

Еще одно направление развития анализа связано с тем, что данное исследование продолжает серию исследований ЦПАМО ИМИ МГИМО в области электоральной географии. Собранные материалы позволят сравнить пространственные тенденции электорального поведения Латвии с другими странами, граничащими с Россией

[37; 38]. Речь идет и о тех странах, сравнение Латвии с которыми в политической науке встречается не столь часто, но становится возможным благодаря общей методике пространственного анализа (к примеру, исследование электоральных процессов в Норвегии: [39]).

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-930 от 16.11.2020).

Список литературы

1. Окунев, И. Ю. и др. 2020, *Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития*, М., 447 с.
2. Taylor, P., Johnston, R. 1979, *The Geography of Elections*. Harmondsworth, PenguinBooks, 528 p.
3. Окунев, И. Ю. 2020, *Основы пространственного анализа*, монография, М., 255 с.
4. Ikstens, J. 2014, The democratic role of political parties. In: Rozenvalds, J. (ed.) *How democratic is Latvia? Audit of democracy 2005—2014*, Riga, p. 115—128.
5. Ikstens, J. 2006, Eastern Slavic Political Parties in Latvia. In: Muižnieks, N. (ed.) *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, Riga, p. 41—52.
6. Окунев, И. Ю., Жирнова, Л. С. 2019, Этнический раскол в электоральном поведении Латвии, *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*, № 11 (358), с. 78—90.
7. Воротников, В. В. 2018, Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 5 (5), с. 85—90.
8. Auers, D. 2018, Populism and Political Party Institutionalisation in the Three Baltic States of Estonia, Latvia and Lithuania, *Fudan J. Hum. Soc. Sci.*, № 11, p. 341—355. doi: <https://doi.org/10.1007/s40647-018-0231-1>.
9. Sartori, G. 2005, *Parties and Party Systems*, Great Britain, ECPR Press, 368 p.
10. Golosov, G. V. 2010, The Effective Number of Parties: A New Approach, *Party Politics*, vol. 16, № 2, p. 171—192. doi: <https://doi.org/10.1177/1354068809339538>.
11. Мелешкина, Е. Ю. 2001, Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения, *Политическая наука*, № 2, с. 187—212.
12. Siegfried, A. 1913, *Tableau politique de la France de l'Ouest sous la III République*, P., Colin, XXVIII, 535 p.
13. Lipset, S., Rokkan, M. 1967, Cleavage structures, party system, and voter alignments: An introduction, *Party system and voter alignments*, N. Y., p. 27—45.
14. Johnston, R., Pattie, Ch. 2017, Local context, social networks and neighborhood effects on voter choice. In: Fisher, J. et al. (eds.) *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*, Routledge, p. 383—400. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315712390>.
15. Туровский, Р. Ф. 1996, Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования), *Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Круглый стол бизнеса России. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия: политология*, № 3 (17), с. 37—52.
16. Ахременко, А. С. 2009, Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований, *Полит. наука*, № 1, с. 32—59.
17. Сидоренко, А. 2007, Латвия, *Электоральная география 2.0.*, available at: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/category/countries/latvia> (accessed 30.09.2021).
18. Ikstens, J., Balcere, I. 2019, Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity. In: Pionszki, G., Bergman, T., Muller, W. C. (eds.) *Coalition Governance in Central Eastern Europe*, Great Britain, Oxford University Press, p. 252—302.
19. Zepa, B., Šūpule, I. 2006, Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord. In: Muižnieks, N. (ed.) *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, Riga, p. 33—40.

20. Nakai, R. 2018, Does Electoral Proximity Enhance National Pride? Evidence from Monthly Surveys in a Multi-ethnic Society — Latvia, *Studies in Ethnicity and Nationalism*, p. 198—220. doi: <https://doi.org/10.1111/sena.12285>.
21. Higashijima, M., Nakai, R. 2016, Elections, Ethnic Parties, and Ethnic Identification in New Democracies: Evidence from the Baltic States, *Studies in Comparative International Development*, № 51, p. 124—146. doi: <https://doi.org/10.1007/s12116-015-9187-1>.
22. Bennich-Björkman, L., Johansson, K. 2012, Explaining moderation in nationalism: Divergent trajectories of national conservative parties in Estonia and Latvia, *Comparative European Politics*, № 10, p. 585—607. doi: <https://doi.org/10.1057/cep.2011.28>.
23. Bloom, S. 2012, Does a Nationalist Card Make for a Weak Hand? Economic Decline and Shared Pain, *Political Research Quarterly*, vol. 65, № 1, p. 166—178. doi: <https://doi.org/10.1177/1065912910388187>.
24. Розенвалдс, Ю. 2012, Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства, *Сравнительная политика*, № 3 (9), с. 149—161. doi: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-149-161](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-149-161).
25. Ijabs, I. 2016, After the Referendum: Militant Democracy and Nation-Building in Latvia, *East European Politics and Societies*, vol. 30, № 2, p. 288—314. doi: <https://doi.org/10.1177/0888325415593630>.
26. Commercio, M. E. 2008, Systems of Partial Control: Ethnic Dynamics in Post-Soviet Estonia and Latvia. *Studies in Comparative International Development*, № 43, p. 81—100. doi: <https://doi.org/10.1007/s12116-007-9013-5>.
27. Ivlevs, A. 2013, Minorities on the move? Assessing post-enlargement emigration intentions of Latvia's Russian speaking minority, *The Annals of Regional Science*, № 51, p. 33—52. doi: <https://doi.org/10.1007/s00168-012-0534-0>.
28. Duina, F., Miani, C. 2015, Fitting in the Baltics: National identity, minorities and compliance with EU accession requirements in Lithuania and Latvia, *Comparative European Politics*, № 13, p. 535—552. doi: <https://doi.org/10.1057/cep.2014.5>.
29. Бузаев, В. В., Никифоров, И. В. 2009, *Современная европейская этнократия. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии*, М., 279 с.
30. Тэвдой-Бурмули, А. И. 2018, *Этнополитическая динамика Европейского союза*, учебное пособие для студентов вузов, М., 224 с.
31. Осколков, П. В. 2020, Партийная система Эстонии на современном этапе: электоральная турбулентность и смена этнорегиональных паттернов, *Балтийский регион*, Т. 12, № 1, с. 4—15.
32. Солопенко, А. В. 2014, *Электоральное поведение жителей Латвии на парламентских выборах 1993—2011 гг. Германия*, LAP Lambert Academic Publishing, 52 p.
33. Németh, Á., Dövényi, Z. 2019, Patterns of Ethnic Homogenisation, Fragmentation and Polarisation and the Vote Shares for Nationalist Parties in Latvia, *Europe-Asia Studies*, vol. 71, № 5, p. 774—804. doi: <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1604945>.
34. Meleshevich, A. 2006, Geographical Patterns of Party Support in the Baltic States, Russia, and Ukraine, *European Urban and Regional Studies*, vol. 13, № 2, p. 113—129.
35. Paiders, J., Paiders, J. 2014, EU border proximity effect on political choice in parliamentary elections of Latvia, *Regional Formation and Development Studies*. doi: <http://dx.doi.org/10.15181/rfds.v9i1.59>.
36. Paiders, J., Paiders, J. 2012, Basic factors of parliament election results in the rural areas of Latvia, *Research for Rural Development*, № 2, p. 184—190.
37. Окунев, И. Ю., Шматкова, Л. П. 2020, Трансформация электорального поведения в странах СНГ: опыт пространственного анализа, *Материалы конференции «Современные технологии наблюдения за выборами: моделирование и применение в условиях цифровизации»*, Кишинев, с. 100—110.
38. Okunev, I. Yu., Shestakova, M. N., Bibina, E. S. 2020, Neighborhood with Russia: Implications for regional differentiation of public opinion in Belarus sociological and spatial analysis, *Russia in Global Affairs*, vol. 18, № 4, p. 10—36. doi: <http://dx.doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-10-36>.
39. Захарова, Е. А. 2021, Электоральные процессы в фюльке Норвегии через призму пространственного анализа, *Псковский регионологический журнал*, с. 110—125.

Об авторе

Лидия Сергеевна Жирнова — научный сотрудник, Центр пространственного анализа международных отношений, Институт международных исследований МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: l.zhirnova@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2609-5389>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

REGIONAL TRENDS IN ELECTORAL SUPPORT FOR LATVIAN PARTIES: THE NEIGHBOURHOOD EFFECT

L. S. Zhirnova

¹ MGIMO-University
76 Vernadskogo St., Moscow, 119454, Russia

Received 22.06.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-9
© Zhirnova, L. S., 2022

The article analyses the neighbourhood effect in the voting behaviour of the Latvians at the four recent parliamentary elections, the ethnic and national leaning of parties considered. The study expands a set of electoral geography tools by adding modern techniques of spatial analysis as well as by increasing the knowledge on the position of the Russian speakers within Latvia's political party landscape. The research aims to evaluate the role of the neighbourhood effect at Latvian elections and identify stable spatial voting clusters. The degree of spatial autocorrelation and changes in it were analysed for each parliamentary party and the non-parliamentary but still influential Latvian Russian Union (LRU). Statistically significant spatial clusters of high and low support were identified and compared; their steadiness over the study period was examined. The structure of these clusters is generally the same for the 'Russian' parties (Harmony and the LRU), whilst the 'Latvian' parties are characterized by greater spatial diversity. The analysis shows that regions bordering on Russia have clear spatial clusters where election results correspond to the parties' attitudes towards Russian speakers and the Russian Federation. The 'Russian' parties and those more or less favourably disposed to Russian speakers (For a Good Latvia, For Latvia from the Heart) have clusters of high support in the area and the 'Latvian' parties of low. This pattern, however, may be due to the high proportion of the non-Latvian population in Latgale (a region with strong historical connections with Russia) and the character of the development of the border area, rather than to the proximity to the Russian border.

Keywords:

spatial analysis, electoral geography, Latvia, Latgale, Russians, party, ethnolinguistic divide, election

References

1. Okunev, I. Yu. et al. 2020, *Atlas mezhdunarodnykh otnoshenii. Prostranstvennyi analiz indikatorov mirovogo razvitiya* [Atlas of International Relation: spatial analysis of global development indicators], Moscow, Aspect Press, 447 p. (In Russ.).

To cite this article: Zhirnova, L. S. 2022, Regional trends in electoral support for Latvian parties: the neighbourhood effect, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no. 1, p. 138–158. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-9.

2. Taylor, P., Johnston, R. 1979, *The Geography of Elections*. Harmondsworth, Penguin-Books, 528 p.
3. Okunev, I. Yu. 2020, *Osnovy prostranstvennogo analiza* [Spatial Analysis Fundamentals], Moscow, Aspect Press, 255 p. (In Russ.).
4. Ikstens J. 2014, The democratic role of political parties. In: Rozenvalds, J. *How democratic is Latvia? Audit of democracy 2005–2014*, p. 115–128.
5. Ikstens, J. 2006, Eastern Slavic Political Parties in Latvia. In: Muižnieks, N. (ed.) *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, Riga, p. 41–52.
6. Okunev, I. Yu. Zhirnova, L.S., 2019, Ethnic cleavage in the voting behavior in Latvia, *Obozrevatel – Observer*, no. 11 (358), p. 78–90 (In Russ.).
7. Vorotnikov, V. V. 2018, Party ‘Harmony’ in the parliamentary elections in Latvia in 2018: victory without a winner, *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific and Analytical Herald of IE RAS], no. 5 (5), p. 85–90. doi: <https://doi.org/10.15211/vestnikier-an520188590> (In Russ.).
8. Auers, D. 2018, Populism and Political Party Institutionalisation in the Three Baltic States of Estonia, Latvia and Lithuania, *Fudan J. Hum. Soc. Sci.*, no. 11, p. 341–355. doi: <https://doi.org/10.1007/s40647-018-0231-1>.
9. Sartori, G. 2005, *Parties and Party Systems*, Great Britain, ECPR Press, 368 p.
10. Golosov, G. V. 2010, The Effective Number of Parties: A New Approach, *Party Politics*, vol. 16, no. 2, p. 171–192. doi: <https://doi.org/10.1177/1354068809339538>.
11. Meleshkina, I. Iu. 2001, The Research of Electoral Behaviour: Theoretic Models and Issues of their Usage, *Politicheskaya nauka* [Political Science], no. 2, p. 187–212 (In Russ.).
12. Siegfried, A. 1913, *Tableau politique de la France de l’Ouest sous la III Republique*, P., Colin, XXVIII, 535 p.
13. Lipset, S., Rokkan, M. 1967, Cleavage structures, party system, and voter alignments: An introduction, *Party system and voter alignments*, N. Y., p. 27–45.
14. Johnston, R., Pattie, Ch. 2017, Local context, social networks and neighborhood effects on voter choice. In: Fisher, J. et al. (eds.) *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*, Routledge, p. 383–400. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315712390>.
15. Turovskii, R. F. 1996, Political Stratification of Russian Regions (History and Formation Factors), *Partiino-politicheskie elity i elektoral’nye protsessy v Rossii. Kruglyi stol biznesa Rossii. Analiticheskie obozreniia Tsentra kompleksnykh sotsial’nykh issledovaniĭ i marketinga. Seriia: politologiia* [Party and Political Elites and Electoral Processes in Russia. The Round Table of the Russian Business, Analytical Overview of the Center for Complex Social Studies and Marketing. Series: Politology], no. 3 (17), p. 37–52 (in Russ.).
16. Akhremenko, A. S., 2009, Spatial Electoral Analysis: Characterization of the Method, Possibilities of Cross-National Comparative Studies, *Polit. Nauka* [Political Science], no. 1, p. 32–59 (in Russ.).
17. Sidorenko, A. 2007, Latvia, *Electoral Geography 2.0*, available at: <https://www.electoral-geography.com/new/ru/category/countries/1/latvia> (accessed 30.09.2021) (in Russ.).
18. Ikstens, J., Balcerė, I. 2019, Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity. In: Ilonszki, G., Bergman, T., Muller, W. C. (eds.) *Coalition Governance in Central Eastern Europe*, Great Britain, Oxford University Press, p. 252–302.
19. Zepa, B., Šūpule, I. 2006, Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord. In: Muižnieks, N. (ed.) *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, Riga, p. 33–40.
20. Nakai, R. 2018, Does Electoral Proximity Enhance National Pride? Evidence from Monthly Surveys in a Multi-ethnic Society — Latvia, *Studies in Ethnicity and Nationalism*, p. 198–220. doi: <https://doi.org/10.1111/sena.12285>.
21. Higashijima, M., Nakai, R. 2016, Elections, Ethnic Parties, and Ethnic Identification in New Democracies: Evidence from the Baltic States, *Studies in Comparative International Development*, no. 51, p. 124–146. doi: <https://doi.org/10.1007/s12116-015-9187-1>.
22. Bennich-Björkman, L., Johansson, K. 2012, Explaining moderation in nationalism: Divergent trajectories of national conservative parties in Estonia and Latvia, *Comparative European Politics*, no. 10, p. 585–607. doi: <https://doi.org/10.1057/cep.2011.28>.

23. Bloom, S. 2012, Does a Nationalist Card Make for a Weak Hand? Economic Decline and Shared Pain, *Political Research Quarterly*, vol. 65, no. 1, p. 166—178. doi: <https://doi.org/10.1177/1065912910388187>.
24. Rozenvalds, J. 2012, The problem of “(de) sealing” of the political elite of Latvia and Estonia: Russian-speaking minority perspectives, *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], no. 3 (9), p. 149—161. doi: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-149-161](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-149-161) (in Russ.).
25. Ijabs, I. 2016, After the Referendum: Militant Democracy and Nation-Building in Latvia, *East European Politics and Societies*, vol. 30, no. 2, p. 288—314. doi: <https://doi.org/10.1177/0888325415593630>.
26. Commercio, M. E. 2008, Systems of Partial Control: Ethnic Dynamics in Post-Soviet Estonia and Latvia. *Studies in Comparative International Development*, no. 43, p. 81—100. doi: <https://doi.org/10.1007/s12116-007-9013-5>.
27. Ivlevs, A. 2013, Minorities on the move? Assessing post-enlargement emigration intentions of Latvia's Russian speaking minority, *The Annals of Regional Science*, no. 51, p. 33—52. doi: <https://doi.org/10.1007/s00168-012-0534-0>.
28. Duina, F., Miani, C. 2015, Fitting in the Baltics: National identity, minorities and compliance with EU accession requirements in Lithuania and Latvia, *Comparative European Politics*, no. 13, p. 535—552. doi: <https://doi.org/10.1057/cep.2014.5>.
29. Buzaev, V. V., Nikiforov, I. V. 2009, *Sovremennaya evropeiskaya etnokratiya: narushenie prav natsional'nykh men'shinstv v Estonii i Latvii* [Contemporary European ethnocracy: violation of ethnic minorities' rights in Estonia and Latvia], Moscow, 279 p. (in Russ.).
30. Tevdoi-Burmuli, A. I. 2018, *Etnopoliticheskaya dinamika Evropeiskogo soyuza* [Ethnopolitical dynamics of the European Union], Moscow, Aspekt-Press, 224 p. (in Russ.).
31. Oskolkov, P. V. 2020, Estonia's party system today: electoral turbulence and changes in ethno-regional patterns, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 1, p. 4—15. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-1>.
32. Solopenko, A. V. 2014, *Elektoral'noe povedenie zhitelei Latvii na parlamentskikh vyborakh 1993—2011 gg.* [Electoral behavior of Latvians in parliamentary elections in 1993—2011], Germany, LAP Lambert Academic Publishing, 52 p. (in Russ.).
33. Németh, Á., Dövényi, Z. 2019, Patterns of Ethnic Homogenisation, Fragmentation and Polarisation and the Vote Shares for Nationalist Parties in Latvia, *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 5, p. 774—804. doi: <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1604945>.
34. Meleshevich, A. 2006, Geographical Patterns of Party Support in the Baltic States, Russia, and Ukraine, *European Urban and Regional Studies*, vol. 13, no. 2, p. 113—129.
35. Paiders, J., Paiders, J. 2014, EU border proximity effect on political choice in parliamentary elections of Latvia, *Regional Formation and Development Studies*. doi: <http://dx.doi.org/10.15181/rfds.v9i1.59>.
36. Paiders, J., Paiders, J. 2012, Basic factors of parliament election results in the rural areas of Latvia, *Research for Rural Development*, no. 2, p. 184—190.
37. Okunev, I. Yu., Shmatkova, L. P. 2020, Transformation of electoral behavior in CIS countries: spatial analysis, *Sovremennye tekhnologii nablyudeniya za vyborami: modelirovanie i primeneniye v usloviyakh tsifrovizatsii* [Modern Technologies of Election Observation: Modeling and Usage under Conditions of Digitalization. Materials of the International Scientific Conference], Chişinău, p. 100—110 (in Russ.).
38. Okunev, I. Yu., Shestakova, M. N., Bibina, E. S. 2020, Neighborhood with Russia: Implications for regional differentiation of public opinion in Belarus sociological and spatial analysis, *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no. 4, p. 10—36. doi: <http://dx.doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-10-36>.
39. Zakharova, E. A. 2021, Electoral processes in Norwegian fylke through the prism of spatial analysis, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], p. 110—125 (in Russ.).

The author

Lidia S. Zhirnova, Research Fellow, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University, Russia.

E-mail: l.zhirnova@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2609-5389>

